

Глава 26

Услышав заявление Сяо Шаня о том, что он «натурал», Чу Сяо лишь холодно усмехнулся.

— Что значит «Лу Цюцзинь не такой, как мы»? — возмутился Жун Нянь. — Говоришь так, будто я не натурал.

Он тут же поправился:

— Хотя да, я не натурал. Я в принципе не способен полюбить человека.

— Не способен? — переспросил Сяо Шань. — Ты собираешься спать с Шичжэнем, и у тебя хватает наглости заявлять, что ты не можешь полюбить человека?

— А что такого? — с непоколебимой уверенностью парировал Жун Нянь. — Мы просто будем спать вместе. Ло Шичжэнь сам сказал, что обнимал бы во сне такого питомца, как я.

Он, конечно, прибег к небольшой уловке, превратив фразу Ло Шичжэня «обнимал бы собаку» в «обнимал бы его».

Изучая человеческую культуру, Жун Нянь с особым вниманием отнёсся к теме домашних животных. Хотя его собственный опыт был травмирующим — в прошлом, когда его держали в качестве питомца за границей, он едва не загрыз своего «хозяина», после чего его продали с аукциона.

С тех пор он ненавидел людей, которые заводят питомцев.

Но сейчас его взгляды изменились. Он решил, что быть питомцем, возможно, не так уж и плохо. Всё зависит от «хозяина».

Предыдущий «владелец» Жун Няня был семидесятилетним стариком, питавшим страсть к свирепым хищникам. Он построил в своём доме огромный аквариум, куда и поселил Жун Няня. Каждый день туда запускали крупных хищных рыб, и старик с наслаждением наблюдал, как крошечный цзяожэнь сражается за свою жизнь.

Он требовал, чтобы Жун Нянь по первому его зову выпрыгивал из воды. Если тот не подчинялся, в воду пускали электрический ток.

Поэтому, впиваясь зубами в сонную артерию «хозяина», Жун Нянь испытывал лишь пьянящее чувство восторга и мести.

Но Ло Шичжэнь был совсем другим «хозяином». Он ничего не требовал от своего питомца, наоборот, сам был готов о нём заботиться.

А главное, от него исходил невероятно приятный аромат. Рядом с ним было спокойно и уютно.

Жун Нянь считал, что у Сяо Шаня просто грязные мысли.

Он цзяожэнь, как он может влюбиться в человека?

Да, ему нравится запах Ло Шичжэня, нравится облизывать его руки, хочется облизать и его лицо, хочется утащить его в своё подводное гнездо, но такая межвидовая привязанность просто невозможна.

Совесьть его была чиста, а потому слова звучали уверенно и твёрдо:

— Мы просто будем спать в обнимку, а не спариваться. Что плохого в том, что питомец спит с хозяином? Кошки и собаки постоянно спят рядом со своими людьми.

Сяо Шань задумался.

А ведь и правда, никто не говорил, что для того, чтобы спать вместе, нужно обязательно быть влюблённым.

Хм, так значит, и он может спать со своим младшим братом? Некоторые братья ведь часто спят вместе.

Чу Сяо молча слушал их рассуждения, ему было лень даже усмехаться.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь на восстановлении сил.

Нужно как можно скорее прийти в форму. Как только он пройдёт тренировку, карцер откроют досрочно.

Чу Сяо не впервые расставался с Ло Шичжэнем, но на этот раз, несмотря на то, что две главные угрозы были изолированы, его не покидало смутное предчувствие беды.

За эти несколько дней Шичжэнь не привлёк к себе ещё какого-нибудь «натурала»?

Ло Шичжэнь был очень занят.

Боевая подготовка теперь проходила ежедневно, а на уроки культурологии оставался всего час. Суй Ань и Линь Ци гоняли студентов до седьмого пота.

Так что у него просто не было времени, чтобы стать объектом чьих-то издевательств.

Суй Ань тренировал их так, словно готовил свору хаски к гонкам на собачьих упряжках. К концу дня у студентов не оставалось сил ни на что, кроме как дойти до общежития и рухнуть на кровать.

Лу Цюцзинь, следуя «просьбе Сяо Шаня», действительно попытался сблизиться с Ло Шичжэнем.

Они жили в одной комнате, а поскольку Жун Нянь и Сяо Шань были в карцере, вечерами они оставались вдвоём.

Но, вопреки ожиданиям, наладить контакт с Ло Шичжэнем ему так и не удалось.

Тот был слишком занят.

Как новичку, ему нужно было навёрстывать упущенное. И хотя Сяо Шань был в карцере, Ло Шичжэнь всё равно ходил в тренировочный зал и занимался по программе, которую для него составил старший брат.

Никто не понимал, откуда у него столько энергии. Днём его изматывали до полусмерти, а вечером он ещё находил в себе силы на «дополнительные занятия».

День Ло Шичжэня был расписан по минутам. Подъём в шесть тридцать, умывание, завтрак, затем подготовка к урокам в классе, культурология, боевая подготовка.

В обеденный перерыв — дополнительные занятия по культурологии с Чэнь Хэянем. После ужина — два часа самостоятельных тренировок и повторения пройденного материала. К тому времени, как он заканчивал, было уже около десяти вечера.

Он принимал душ, стелил постель, делал ванночку для ног, и ровно в десять тридцать отключался.

Лу Цюцзинь пытался завести с ним разговор, но Ло Шичжэнь, закрыв глаза, уже спал.

Они жили в одной комнате, но практически не общались. Иногда, когда Ло Шичжэнь зубрил

материал, Лу Цюцзинь под каким-нибудь предлогом пытался завязать беседу.

В первый раз Ло Шичжэнь вежливо отвечал.

Во второй — отвечал коротко и снова утыкался в книгу.

На третий раз он просто брал учебники и уходил в свой кабинет, запираясь изнутри.

Лу Цюцзинь был в недоумении.

Понаблюдав за ним пару дней, он понял, что Ло Шичжэнь относится к учёбе с невероятной серьёзностью. Поступив в школу и осознав, что отстаёт от остальных, он впал в состояние перманентной тревоги.

Этот Очиститель, казалось, готов был использовать каждую свободную секунду для учёбы.

Стоило сказать ему: «Не переусердствуй, отдохни немного», как он тут же отвечал: «Учитель говорит, что глупая птица должна вылетать раньше. Я глупый, поэтому мне нужно стараться больше. Не отвлекай меня, пожалуйста, я опять забыл, на чём остановился».

Лу Цюцзинь был обескуражен.

Он планировал втереться в доверие, играя роль заботливого и внимательного друга, но Ло Шичжэнь воспринял его как помеху в учёбе. Он пытался найти другой подход, но у них просто не было времени для общения.

Однажды утром ему всё же удалось застать Ло Шичжэня свободным. Тот не зубрил, не тренировался, а просто ждал начала занятий.

И что же он делал? Достал телефон и принялся «писать письма» Чу Сяо и Сяо Шаню в карцер.

Он до сих пор не мог понять, почему они набросились на Жун Няня. Но, будучи их другом и зная вспыльчивый характер Пробуждённых, он списал всё на очередной приступ и теперь просто надеялся, что в карцере у них всё в порядке.

Лу Цюцзинь, сделав вид, что проходит мимо, заглянул ему через плечо. Содержание сообщений было донельзя простым:

[Чу Сяо, как ты? Ты полностью здоров? В карцере, наверное, очень скучно? Веди себя хорошо и поскорее выходи. Я приготовил для тебя конспекты, так что, когда вернёшься, не отстанешь от программы.]

[Брат, как ты? В карцере можно тренироваться? Я каждый день занимаюсь по твоей методике не меньше часа. Чувствую, что стал сильнее и быстрее. Я попросил у учителя Линя записи последних тренировок, так что, когда выйдешь, сможешь всё наверстать.]

Лу Цюцзинь не знал, что и сказать.

— В карцере нельзя пользоваться телефонами, — заметил он.

— Я знаю. Но учитель Чэнь сказал, что может передать им письма.

Ло Шичжэнь, закончив печатать, отправил файлы на принтер, стоявший в комнате.

— Я думал, ты напишешь от руки, — сказал Лу Цюцзинь.

Ведь так было бы искреннее, не правда ли?

— Зачем? — удивлённо посмотрел на него Ло Шичжэнь. — Если есть принтер, зачем писать от руки? Это же так утомительно.

Он смотрел на Лу Цюцзиня так, будто тот был каким-то ретроградом.

Лу Цюцзинь, однако, был человеком терпеливым.

В конце концов, ему нужно было использовать Ло Шичжэня для очищения от загрязнения, так что он мог стерпеть и не такое.

Чего он не мог стерпеть, так это того, что у Ло Шичжэня вечно находились какие-то дела. Они жили в одной комнате, но Лу Цюцзинь никак не мог найти к нему подход.

Ло Шичжэнь не догадывался о терзаниях соседа. Он считал, что у них прекрасные отношения.

Кабинет и тренировочный зал на ночь закрывались, поэтому он занимался только до десяти, чтобы не мешать Лу Цюцзиню.

Лу Цюцзинь был отличным соседом: не храпел, соблюдал режим. Единственная проблема — он был слишком разговорчив и постоянно отвлекал его от учёбы.

Но и это было не страшно. У Ло Шичжэня уже был опыт общения с болтливыми соседями, вроде Чжан Чуаня, который не только болтал без умолку, но и норовил залезть к нему в постель.

Нужно было просто вежливо отказать. А днём он мог заниматься в своём кабинете или в тренировочном зале брата, куда тот дал ему доступ.

Лу Цюцзинь оставался за дверью, и проблема решалась сама собой.

Так они мирно прожили три дня. На четвёртый Лу Цюцзиню наконец представился шанс.

На боевой подготовке их с Ло Шичжэнем определили в одну команду.

Занятия у Пробуждённых обычно проходили в парах. И хотя целью было научить их работать в команде, молодые и амбициозные студенты игнорировали это правило.

Работа в парах лишь разжигала в них дух соперничества. Они соревновались не только с другими командами, но и со своим напарником.

Ло Шичжэнь этого не знал. За предыдущие три дня его напарники казались ему очень сильными, серьёзными и целеустремлёнными. Едва начиналось занятие, как они тут же исчезали из виду.

Он уже привык к этому и считал, что это негласное правило: не разговаривать, не смотреть друг на друга, просто молча выполнять задание.

Поэтому, когда Лу Цюцзинь вдруг заговорил с ним, он очень удивился.

— Давай я попрошу для тебя освобождение, — сказал Лу Цюцзинь. — Ты же класс поддержки, инструкторы не будут возражать.

Они только что закончили пятичасовую интенсивную тренировку, и теперь им предстоял забег с утяжелением.

Одежда Ло Шичжэня промокла насквозь и липла к рельефным мышцам груди. Его тело мелко дрожало от перенапряжения.

Было очевидно, что он на пределе своих сил.

Для новичка, никогда прежде не проходившего профессиональную подготовку, да ещё и из класса поддержки, дойти до этого этапа было уже большим достижением.

Но Ло Шичжэнь был упрям. Он и не думал сдаваться.

— Не нужно, — тяжело дыша, вежливо ответил он. — Я ещё могу. Инструктор сказал, что мы

должны найти свой предел. Я думаю, я ещё не дошёл до него.

Он решил, что Лу Цюцзинь «нарушил негласное правило тренировки», потому что они были соседями по комнате.

— Но что, если с тобой что-то случится? — с беспокойством нахмурился Лу Цюцзинь.

Ло Шичжэнь, весь мокрый от пота, с покрасневшими глазами, глупо улыбнулся:

— Спасибо, но я очень сильный. Пятый дядя всегда меня хвалил. Я пашу лучше любого быка!

Лу Цюцзинь потерял дар речи.

Ло Шичжэнь действительно так думал.

Да, он устал, всё тело дрожало и болело, в горле першило, и хотелось только одного — дышать.

Но он ещё не дошёл до предела, о котором говорил учитель. Он ещё мог держаться. Нужно было просто потерпеть.

Ло Шичжэнь даже считал, что боевая подготовка гораздо лучше культурологии.

Потому что культурологию он учил, зубрил, но всё равно забывал и ничего не понимал.

А на боевой подготовке нужно было просто двигаться, слушать инструктора и выполнять задания. И результат был виден сразу.

Да, он был медленнее других, но если он доходил до финиша, то получал зачёт.

При этой мысли Ло Шичжэнь почувствовал новый прилив сил.

Зачёт!

Какое прекрасное слово.

С десятого класса, за исключением физкультуры, он не получал зачётов.

Потом учитель физкультуры постоянно болел, и его уроки заменяли другими предметами, так что Ло Шичжэнь лишился единственной возможности получить зачёт.

Но теперь! В школе Пробуждённых оценка за боевую подготовку была даже важнее, чем за культурологию.

Ло Шичжэнь вытер пот со лба, его глаза снова заблестели. Следуя командам учителя Линя, он с удвоенной энергией принялся преодолевать препятствия.

Он не забыл и о Лу Цюцзине.

— Лу Цюцзинь, ты что, выдохся? — крикнул он, обернувшись.

Лу Цюцзинь, проучившийся в школе уже некоторое время, был, конечно, выносливее Ло Шичжэня.

Он лишь слегка запыхался. Он кивнул, а сам тем временем хладнокровно оценивал, где предел возможностей Ло Шичжэня.

Сейчас вмешиваться было рано. У Ло Шичжэня явно ещё оставались силы. Помощь в такой момент не принесёт большой благодарности.

Лучше всего оказывать милость тому, кто находится на дне.

Эту идею ему подсказал случай, когда Ло Шичжэнь обнимал Чу Сяо.

Когда Ло Шичжэнь упадёт от изнеможения, он подхватит его на руки, отнесёт в медпункт и будет заботливо ухаживать.

Такой приём был слишком банален для Лу Цюцзиня, но другого выхода он не видел. Кроме как сегодня, у него не было возможности сблизиться с Ло Шичжэнем.

Учитывая характер Ло Шичжэня, он наверняка будет ему очень благодарен. Чу Сяо, Сяо Шань и Жун Нянь были в изоляции, и сейчас он был единственным, кто находился рядом с ним. Но когда те вернутся, всё может измениться.

План был хорош. Стать его «другом» и получить доступ к Очищению.

Жестокий и подлый план, но он всегда был таким.

Лу Цюцзинь, погружённый в свои мысли, вдруг почувствовал, как его ноша стала легче.

Он настороженно нахмурился и увидел, как Ло Шичжэнь, весь в поту, снимает с него двухсотфунтовый утяжелитель.

Он сжал губы от напряжения и с трудом поднял его.

Тело Ло Шичжэня всё ещё мелко дрожало, лицо раскраснелось, но его круглые глаза оставались ясными и чистыми.

— Если ещё не дошёл до предела, — прохрипел он, — то нужно продолжать.

— Я понесу твой груз. Пошли.

Он пошёл вперёд, думая про себя, что, хотя брат и сказал, что Лу Цюцзинь будет о нём заботиться, но, судя по тому, как медленно тот двигался и какой был худой, он сам нуждался в помощи.

Наверное, он из тех городских мальчиков, которые никогда не работали в поле и не пахали землю. Лучше он о нём позаботится.

Ведь они же команда.

Не дожидаясь ответа, Ло Шичжэнь, неся на спине двести фунтов и держа в руках ещё двести, медленно, но упорно двинулся к финишу.

— Давай! Не отставай! — ободряюще крикнул он, обернувшись.

Лу Цюцзинь на мгновение замер, а затем молча последовал за ним.

«Так даже лучше, — пронеслось у него в голове. — С четырьмястами фунтами, даже если он силён как бык и к тому же Пробуждённый, он долго не протянет».

Он выдохнется быстрее, чем планировалось, и можно будет приступить к заботливому уходу.

Но в то же время он знал, как сильно Ло Шичжэнь хочет получить зачёт. Пару дней назад, когда ему это удалось, он был на седьмом небе от счастья.

Даже написал два письма и попросил учителя Чэня передать их в карцер.

При этой мысли лицо Лу Цюцзиня помрачнело.

Они с Ло Шичжэнем каждый день виделись в общежитии, но он не удостоился и десятой доли того внимания.

Он избавился от двух назойливых соперников, но его прогресс в сближении с Ло Шичжэнем застыл на нуле.

Ло Шичжэнь, похоже, не считал его близким другом, сохраняя безопасную дистанцию соседа по комнате.

А теперь, видя, как тот, сам едва держась на ногах, взвалил на себя его груз...

Лу Цюцзинь подавил в себе сложное чувство и злорадно подумал:

Если в итоге Ло Шичжэнь из-за двойной нагрузки не дойдёт до финиша и не получит зачёт, он, возможно, будет винить его.

Такова человеческая природа. Люди могут из сострадания протянуть руку помощи, но если эта помощь обернётся для них убытком, сострадание сменится обидой.

В таком случае его попытка сблизиться может дать обратный эффект.

Так что лучше забрать свой груз, чтобы не нарушать его планы.

Размышляя так, Лу Цюцзинь смотрел, как впереди, едва передвигая ноги, плетётся Ло Шичжэнь, но с места не двигался.

Он знал, что ему нужно расположить к себе Ло Шичжэня, но, глядя на этого вечно улыбающегося, беззлобного, лучащегося светом новичка, он чувствовал, как в его душе, словно ядовитый плющ, прорастает злоба.

Когда из-за помощи другому он упустит желанный зачёт, будет ли Ло Шичжэнь по-прежнему таким счастливым?

Останется ли на его лице, не омрачённом ни единой тенью, эта глупая улыбка?

Хотелось увидеть, как этот чистый и добрый человек исказится от обиды и разочарования.

Ло Шичжэнь не догадывался о мыслях Лу Цюцзиня.

Он вообще ни о чём не думал.

Ло Шичжэнь был человеком с одноколейным мышлением, неспособным к сложным умозаключениям. Поэтому в третьей школе учёба давалась ему с таким трудом. То, что другие схватывали на лету, для него было непреодолимой преградой.

Но сейчас эта особенность сослужила ему добрую службу. Он не занимался самокопанием, не гадал, дойдёт ли до финиша. Он просто знал, что нужно идти вперёд, до самого предела, до тех пор, пока не останется сил.

Стиснув зубы, Ло Шичжэнь с четырьмястами фунтами груза прошёл около пятисот метров.

До финиша оставалось всего триста. Для него в полной силе — пустяк.

Но сейчас это расстояние казалось непреодолимым.

Даже его железная воля не могла побороть физическую слабость. В глазах потемнело, и он, не выпуская груза, медленно опустился на землю.

Он обернулся и увидел Лу Цюцзиня.

Тот, похоже, отдохнул, и его лицо уже не было таким бледным.

Глаза Ло Шичжэня щипало от пота, и он, глупо щурясь, тяжело дыша, чтобы отдышаться, глупо улыбнулся Лу Цюцзиню:

— Я больше не могу. Если у тебя ещё есть силы, иди вперёд.

— Вот твой груз.

Ло Шичжэнь положил утяжелитель на землю и нажал кнопку паузы на своих часах.

Без колебаний, без сожаления, лишь с лёгкой тенью разочарования, которая тут же исчезла.

Лу Цюцзинь предвидел любой исход, но только не этот.

Он, помрачнев, впился взглядом в этого совершенно беззащитного человека:

— Ты же так хотел получить зачёт. И вот так сдашься?

— Но я больше не могу.

Грудь Ло Шичжэня всё ещё тяжело вздымалась, но он был совершенно спокоен.

— Инструктор сказал, что эти тренировки нужны, чтобы мы узнали свой предел. Я дошёл до

своего предела. Если я побегу дальше, то только наврежу себе.

Ло Шичжэнь действительно хотел получить зачёт, но не ценой своего здоровья.

Он держался до последнего, чтобы выполнить указание учителя. Теперь, когда он дошёл до предела и не мог больше бежать, зачем продолжать?

Лу Цюцзинь не понимал Ло Шичжэня.

Если он так легко сдаётся, зачем он так старался эти три дня?

— Ты почти у цели. И вот так просто сдашься? Неужели тебе совсем не обидно?

Ло Шичжэню показалось, что Лу Цюцзинь, хоть и выглядит умным, на самом деле немного глуповат.

— Это всего лишь одна тренировка. Сегодня не получилось, получится в следующий раз. Зачёт ведь можно получить не один раз.

Как вечный аутсайдер, который, тем не менее, продолжал усердно учиться, Ло Шичжэнь обладал завидным спокойствием и уравновешенностью.

Разочарование — это одно, но нельзя же из-за него гробить своё здоровье.

Осталось всего триста метров до финиша, и до зачёта на экзамене не хватило всего трёх баллов — для него это было одно и то же. Он сделал всё, что мог, и даже если результат был неудовлетворительным, он не считал, что поступил неправильно.

— Я сделал всё, что мог, — без тени сожаления сказал Ло Шичжэнь. — Если не получилось, значит, нужно отдохнуть и в следующий раз постараться лучше. Я подготовлюсь, и у меня обязательно всё получится.

Учитель математики говорил ему, что даже маленький шаг вперёд — это уже победа.

Правда, через полгода он понял, что «маленький шаг» Ло Шичжэня был действительно крошечным, и перестал это говорить.

Но Ло Шичжэнь запомнил его слова и, усердно занимаясь, всегда повторял себе, что даже самый маленький прогресс — это прогресс.

— В следующий раз? — усмехнулся Лу Цюцзинь. На этот раз его улыбка была кривой и

насмешливой. — Следующего раза не будет. Тех, кто недостаточно хорош, отсеивают.

Ло Шичжэнь понял слово «отсеивают» как «отчисляют».

Его глаза округлились, и пот со лба хлынул в них. Он заморгал.

С покрасневшими от пота глазами он, вытирая лицо, сказал:

— Неправда. Учитель Чэнь говорил, что те, кто хорошо тренируется, попадут в сильные команды, а те, кто похуже, — в команды послабее. Никого не отчислят!

Он верил учителю Чэню. Учитель Чэнь никогда бы его не обманул!

— Где ты это услышал? — утешал он Лу Цюцзиня. — Это наверняка слухи. Не верь им. Школа о нас очень заботится.

Пока они разговаривали, Суй Ань, получив сигнал паузы, неторопливо подошёл к ним.

Сегодня он был дежурным инструктором. На нём была боевая форма, и при ходьбе под тканью перекатывались мышцы, готовые в любой момент взорваться силой, как у леопарда.

Он опустил взгляд на двух студентов, и в его глазах появилась ленивая властность.

— Это вы нажали паузу?

— Это я, — честно поднял руку Ло Шичжэнь. — Только я. Лу Цюцзинь не нажимал.

— Учитель, — спросил он, — если я откажусь от тренировки, меня отчислят?

— Нет. Твои трое друзей устроили побоище, и то их всего лишь заперли в карцере.

Суй Ань, конечно, слышал их разговор. Он просто задал вопрос для проформы.

— Распространяешь слухи, — сказал он, бросив взгляд на непроницаемое лицо Лу Цюцзиня. — До конца тренировки будешь нести и груз Ло Шичжэня.

Суй Ань посмотрел на данные на своих часах, а затем поднял руку. Невидимые прозрачные нити окутали Ло Шичжэня.

— Студент Ло Шичжэнь, твои показатели говорят, что ты достиг своего предела. Хотя ты и не дошёл до финиша, но цель тренировки выполнена. Пойдём, отдохнёшь.

Ло Шичжэнь, обессиленный, хотел только спать, но, почувствовав, как невидимые нити поднимают его в воздух, он не мог сдержать удивления.

— Учитель, — с восхищением посмотрел он на Суй Аня, — можно мне воды?

Взгляд, полный обожания, заставил Суй Аня удивлённо приподнять бровь. Он бросил ему бутылку.

Прозрачные нити перехватили её и поднесли к губам Ло Шичжэня.

— Помнишь, как нужно пить воду после тренировки?

Ло Шичжэнь тут же переключился в режим «ученик-учитель»:

— Помню! Маленькими глотками, медленно, не много и не быстро!

Уголки губ Суй Аня слегка приподнялись. Глядя на такого послушного ученика, он был в хорошем настроении.

— Пей.

Получив разрешение, Ло Шичжэнь тут же припал к бутылке.

Руки его ослабли от тренировки, но нити помогли ему открутить крышку, и он, лёжа на спине, с наслаждением пил воду.

Усталость, до этого сковывавшая его, отступила. Увидев учителя, он полностью расслабился, не боясь упасть с высоты.

Учитель Суй такой сильный, он точно не даст ему упасть.

Он был так расслаблен, что, в отличие от других, которые в такой ситуации замерли бы от страха, он даже пытался поудобнее устроиться. Суй Аню пришлось выпустить ещё больше нитей, чтобы удержать его.

Получился настоящий кокон.

Суй Ань был снисходителен к послушным ученикам и не стал делать ему замечание. Он лишь бросил взгляд на Лу Цюцзиня:

— Ты ещё не дошёл до своего предела. Продолжай тренировку.

Он повернулся и пошёл, и Ло Шичжэнь, окутанный прозрачным коконом, поплыл за ним.

Выпив воды, Ло Шичжэнь немного пришёл в себя. Он заметил, что «плывёт» за учителем, и, повернув голову, крикнул:

— Лу Цюцзинь, я пошёл. Удачи тебе.

— Но если дойдёшь до предела, не насилуй себя. Бабушка говорила, что здоровье — самое главное. Если его подорвёшь, потом будешь жалеть всю жизнь.

Как его бабушка, которая в молодости много работала, думая, что молода и всё выдержит, а в старости мучилась от болезней.

— После занятий пойдём вместе в общежитие, — предложил он.

По дороге они могли бы обсудить, какие движения отняли у них слишком много сил, из-за чего к концу тренировки они выдохлись.

Анализировать тренировки его научил брат, но за три дня занятий ему так и не удалось этого сделать. Едва начиналась тренировка, как его напарники исчезали.

Но теперь всё было по-другому. Лу Цюцзинь был хорошим парнем, к тому же усердным. Он наверняка согласится проанализировать тренировку вместе с ним.

При этой мысли Ло Шичжэнь снова повеселел.

Попасть в одну команду с соседом по комнате — это удача. Можно будет вместе анализировать тренировки. Сегодня был счастливый день.

Лу Цюцзинь стоял на месте, глядя, как Ло Шичжэнь, плывущий в воздухе за Суй Анем, удаляется.

Ло Шичжэнь, счастливо улыбаясь, обнимал бутылку с водой. Его лицо покраснелось после тренировки, а в тёмных глазах по-прежнему светилась детская чистота.

Глупо улыбался, неизвестно чему.

Ни обиды за то, что сдался у самого финиша, ни сожаления о том, что взвалил на себя чужую ношу. Просто глупая, счастливая улыбка.

Лу Цюцзинь молча опустил голову, взвалил на себя четырёхсотфунтовый груз и побежал к финишу.

Возбуждение, вызванное интенсивной тренировкой, сменилось усталостью, когда Ло Шичжэнь, переданный на попечение учителя, перестал двигаться.

Его глаза слипались, и он, засыпая, потёрся щекой о прозрачные нити.

— Учитель, можно я поплюю?

Суй Ань, до этого шедший медленно, на полсекунды замер, а затем продолжил путь.

— Нельзя.

— Десять минут отдыха, а затем второй этап — восстановительная тренировка.

Для Пробуждённых десяти минут было достаточно, чтобы немного восстановить силы.

После восстановительной тренировки боевая подготовка на сегодня будет считаться законченной.

Сказав это, Суй Ань понял, что Ло Шичжэнь его не слышит.

Ребёнок так устал, что, полностью доверившись ему, заснул в его коконе.

Инспектор Суй посмотрел на Ло Шичжэня.

Его лицо было безмятежно, ресницы подрагивали в такт дыханию, на щеках играл румянец. Он беззащитно отдал себя в руки старшего Пробуждённого.

Суй Ань на мгновение замер, а затем продолжил свой путь.

Он опустил голову и поставил на часах таймер на десять минут.